

pocket**book**

rocket**book**

Марина
ЦВЕТАЕВА

Мне нравится, что Вы
больны не мной...

Москва
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ц 27

Цветаева, Марина Ивановна.

Ц 27   Мне нравится, что Вы больны не мной... /
Марина Цветаева. — Москва : Эксмо, 2023. —
320 с. — (Pocket book. Русская классика).

ISBN 978-5-04-191200-0

«Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед...»
Эти слова совсем еще юной Марины Цветаевой оказались пророческими. Ее творчество стало крупнейшим и самобытнейшим явлением русской литературы XX века, величие и трагедию которого она так талантливо выразила в своих произведениях. Неслучайно Иосиф Бродский назвал Марину Цветаеву «самым трагическим голосом русской поэзии». Творчество Цветаевой, кажется, не нуждается в сухих оценках: ее выверенные, яркие стихи звучат мощно и страстно, в них органично сочетается стойкость и прямота с ранимостью и нежной женственностью.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-191200-0

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,

Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти,
— Нечитанным стихам!

Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берет,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

*Коктебель,
13 мая 1913*

* * *

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —

Марина Цветаева

Если б знали вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
— И как сердце мне испепелил
Этот даром истроченный порох!

О летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы вы — если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

17 мая 1913

* * *

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет все, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.

Мне нравится, что Вы больны не мной...

И будет все — как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
— Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!

— К вам всем, — что мне, ни в чем
Не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру.

8 декабря 1913

ГЕНЕРАЛАМ
ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Сергею

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце вырезали след —
Очаровательные франты
Минувших лет.

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу.

Вас охраняла длань Господня
И сердце матери. Вчера —
Малютки-мальчики, сегодня —
Офицера.

Вам все вершины были малы
И мягок — самый черствый хлеб,
О, молодые генералы
Своих судеб!

Ах, на гравюре полустертой,
В один великолепный миг,
Я встретила, Тучков-четвертый,
Ваш нежный лик,

Мне нравится, что Вы больны не мной...

И вашу хрупкую фигуру,
И золотые ордена...
И я, поцеловав гравюру,
Не знала сна.

О, как — мне кажется — могли вы
Рукою, полною перстней,
И кудри дев ласкать — и гривы
Своих коней.

В одной невероятной скачке
Вы прожили свой краткий век...
И ваши кудри, ваши бачки
Засыпал снег.

Три сотни побеждало — трое!
Лишь мертвый не вставал с земли.
Вы были дети и герои,
Вы все могли.

Что так же трогательно-юно,
Как ваша бешеная рать?..
Вас златокудрая Фортуна
Вела, как мать.

Вы побеждали и любили
Любовь и сабли острее —
И весело переходили
В небытие.

*Феодосия,
26 декабря 1913*

П. Э.

1

День августовский тихо таял
В вечерней золотой пыли.
Неслись звенящие трамваи,
И люди шли.

Рассеянно, как бы без цели,
Я тихим переулком шла.
И — помнится — тихонько пели
Колокола.

Воображая Вашу позу,
Я все решала по пути;
Не надо — или надо — розу
Вам принести.

И все приготавлила фразу,
Увы, забытую потом. —
И вдруг — совсем неожиданно! — сразу! —
Тот самый дом.

Многоэтажный, с видом скуки...
Считаю окна, вот подъезд.
Невольным жестом ищут руки
На шее — крест.

Считаю серые ступени,
Меня ведущие к огню.
Нет времени для размышлений.
Уже звоню.

Мне нравится, что Вы больны не мной...

Я помню точно рокот грома
И две руки свои, как лед.
Я называю Вас. — Он дома,
Сейчас придет.

Пусть с юностью уносят годы
Все незабвенное с собой. —
Я буду помнить все разводы
Цветных обоев.

И бисеринки абажура,
И шум каких-то голосов,
И эти виды Порт-Артура,
И стук часов.

Миг, длительный по крайней мере —
Как час. Но вот шаги вдали.
Скрип раскрывающейся двери —
И Вы вошли.

И было сразу обаянье.
Склонился, королевски-прост. —
И было страшное сиянье
Двух темных звезд.

И их, огромные, прищуря,
Вы не узнали, нежный лик,
Какая здесь играла буря —
Еще за миг.

Я героически боролась.
— Мы с Вами даже ели суп! —
Я помню заглушенный голос
И очерк губ.

И волосы, пушистей меха,
И — самое родное в Вас! —
Прелестные морщинки смеха
У длинных глаз.

Я помню — Вы уже забыли —
Вы — там сидели, я — вот тут.
Каких мне стоило усилий,
Каких минут —

Сидеть, пуская кольца дыма,
И полный соблюдать покой...
Мне было прямо нестерпимо
Сидеть такой.

Вы эту помните беседу
Про климат и про букву ять.
Такому странному обеду
Уж не бывать.

Вполоборота, в полумраке
Смеюсь, сама не ожидав:
«Глаза породистой собаки,
— Прощайте, граф».

Потерянно, совсем без цели,
Я темным переулком шла.

Мне нравится, что Вы больны не мной...

И, кажется, уже не пели —
Колокола.

17 июня 1914

6

Осыпались листья над Вашей могилой,
И пахнет зимой.
Послушайте, мертвый, послушайте, милый:
Вы всё-таки мой.

Смеетесь! — В блаженной крылатке
дорожной!

Луна высока.
Мой — так несомненно и так непреложно,
Как эта рука.

Опять с узелком подойду утром рано
К больничным дверям.
Вы просто уехали в жаркие страны,
К великим морям.

Я Вас целовала! Я Вам колдовала!
Смеюсь над загробною тьмой!
Я смерти не верю! Я жду Вас с вокзала —
Домой.

Пусть листья осыпались, смыты и стерты
На траурных лентах слова.
И, если для целого мира Вы мертвый,
Я тоже мертва.

Я вижу, я чувствую, — чую Вас всюду!
— Что ленты от Ваших венков! —

Марина Цветаева

Я Вас не забыла и Вас не забуду
Во веки веков!

Таких обещаний я знаю бесцельность,
Я знаю тщету.

— Письмо в бесконечность.

— Письмо в беспредельность —

Письмо в пустоту.

4 октября 1914

7

Милый друг, ушедший дальше, чем за море!

Вот Вам розы — протянитесь на них.

Милый друг, унесший самое, самое

Дорогое из сокровищ земных.

Я обманута, и я обокрадена, —

Нет на память ни письма, ни кольца!

Как мне памятна малейшая впадина

Удивленного — навеки — лица.

Как мне памятен просящий и пристальный

Взгляд — поближе приглашающий сесть,

И улыбка из великого Издали, —

Умирающего светская лесть...

Милый друг, ушедший в вечное плаванье,

— Свежий холмик меж других бугорков! —

Помолитесь обо мне в райской гавани,

Чтобы не было других моряков.

5 июня 1915

Мне нравится, что Вы больны не мной...

АННЕ АХМАТОВОЙ

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный — темен — лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть — безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
— Кажется, четверть пятого, —
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

11 февраля 1915

* * *

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.

Марина Цветаева

Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной — и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня — не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что Вы больны — увы! — не мной,
За то, что я больна — увы! — не Вами!

3 мая 1915

* * *

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
— Видно, пока надо мной не пропоют
литу, —
Буду грешить — как грешу: со страстью!
Господом данными мне чувствами —
всеми пятью!

Мне нравится, что Вы больны не мной...

Други! — Сообщники! — Вы, чьи наущенья —
жгучи!
— Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

26 сентября 1915

* * *

Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет вьюга,
И под землею скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.

3 октября 1915

* * *

Два солнца стынут — о Господи, пощади! —
Одно — на небе, другое — в моей груди.

Как эти солнца — прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут — не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячеей.

Марина Цветаева

6 октября 1915

* * *

Цветок к груди приколот,
Кто приколол — не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.

22 октября 1915

* * *

Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь — уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки
И думаю, глядя в ночь:

Мне нравится, что Вы больны не мной...

Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны.

Октябрь 1915

* * *

Полнолуние, и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! — Мне же
Глубочайший час.

Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилолюбил мне взгляд,
На пригорке монастырь светел
И от снега — свят.

Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг,
Я на дерево гляжу, — в поле
И на лунный круг.

За широкой спиной ямщицкой
Две не встретятся головы.
Начинает мне Господь — сниться,
Отоснились — Вы.

27 ноября 1915

ИЗ ЦИКЛА «ПОДРУГА»

2

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа? —
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? — Кто — добыча?
Все дьявольски — наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?
Чье сердце — Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

23 октября 1914